

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ,

ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1895.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

КЪ ВОПРОСУ О МУСУЛЬМАНСКИХЪ ИШАНАХЪ.

Въ русской литературѣ до сихъ поръ очень немного было сообщено о мусульманскихъ ишанахъ, частью потому, что весьма немногіе интересовались этимъ вопросомъ, а главнымъ образомъ потому, что русскому человѣку трудно разобратъся въ этомъ вопросѣ. Ишанство представляетъ собою особенное явленіе въ мусульманствѣ и можетъ быть правильно описано и истолковано только инородцемъ, которому приходилось лично сталкиваться съ ишанами и наблюдать ихъ дѣятельность въ разное время и при различной обстановкѣ. Вотъ почему я, какъ уроженецъ Туркестанскаго края, рѣшаюсь высказать нѣсколько своихъ наблюденій надъ туркестанскими ишанами.

Названіе „*Ишанъ*“ есть персидское слово, означающее мѣстоименіе третьяго лица множественнаго числа, т. е. *они*. Такое названіе получило часть изъ почтенія къ этимъ лицамъ и часть изъ обычая мусульманъ не называть людей почтенныхъ по имени не только въ глаза, но и заглаза. Къ этому мѣстоименію „*они—ишанъ*“ обыкновенно туземцы прибавляютъ еще нарицательное имя „*хазратъ*“, т. е. господинъ, имѣющее оттънокъ не мірской вѣжливости, а религіознаго почтенія. По существу, ишаны суть духовные наставники народа, руководящіе простыхъ людей въ вопросахъ религіозно-нравственныхъ. Называются они также „*старцами*“ (персид. „*мирзъ*“), хотя и не всѣ ишаны имѣютъ преклонный возрастъ. Послѣдователи ишана или пира называются *мюридами*, т. е. учениками, по-

слушниками, а буквально: „стремящимися къ цѣли, желающими спасенія“. Отсюда происходитъ извѣстное въ русской литературѣ выраженіе *мюридизмъ*.

Ишанами бываютъ люди книжные, знакомые съ ученіемъ *тариката* и иногда отличающіеся строгою жизнію; но чаще всего ишанами бываютъ люди немудрые въ отношеніи книжной учености, а среди киргизъ встрѣчаются и совсѣмъ неграмотные. Чаще всего ишанами бываютъ простецы, пользующіеся своимъ положеніемъ среди невѣжественнаго народа и при помощи разныхъ хитростей эксплуатирующіе простой народъ. Но въ Туркестанскомъ краѣ есть ишаны *наслѣдственные*, потомки знаменитаго имама Раббани, жившаго въ Гератѣ лѣтъ 400 тому назадъ и отличавшагося при жизни ученостію и строгою жизнію. Его потомки—ишаны по наслѣдству живутъ въ Бухарѣ, Кокандѣ и Ташкентѣ. Существуетъ среди мусульманъ преданіе, будто бы имамъ Раббани сказалъ, что въ его потомствѣ должны быть непременно святые; это и дало поводъ смотрѣть на его потомковъ, какъ на природныхъ ишановъ. Эти наслѣдственные ишаны большею частью люди набожные, воздержанные и очень хитрые; они знаютъ наизусть коранъ, и большая часть изъ нихъ грамотны. Вотъ какъ начинается свою карьеру ишанъ. Задумавшій сдѣлаться ишаномъ предварительно отправляется къ одному изъ извѣстныхъ ишановъ, преимущественно изъ потомковъ имама Раббани. Онъ выбираетъ цѣлью путешествія городъ, отстоящій подальше отъ своего мѣста жительства, хотя бы *ишинъ* находился и въ *его* родномъ городѣ. Для путешествія выбирается время, совпадающее съ днемъ смерти Магомета или съ постомъ *чилла*, который предшествуетъ великому посту мусульманъ въ мѣсяцъ Рамазанъ и вмѣстѣ съ этимъ постомъ образуетъ сорокадневный постъ. Ишанъ все это время проводитъ въ мечети. Будущій ишанъ отправляется въ путешествіе вмѣстѣ съ муридами ¹⁾

¹⁾ *Муриды*—слово арабское, означаетъ: «желающій, намѣревающійся».

своего города изъ числа бѣднѣйшихъ. Будущій ишанъ старается расположить въ свою пользу товарищей путешествія; онъ угощаетъ ихъ во время пути, платитъ за нихъ и за ихъ лошадей въ караванъ-сараяхъ. Явившись къ ишану, онъ преподноситъ ему цѣнные подарки и всячески старается обратить на себя вниманіе ишана. Онъ рассказываетъ ишану что-нибудь въ родѣ того, что ему во снѣ явился умершій отецъ, или извѣстный святой, или самъ пророкъ и говорилъ ему, чтобы онъ обратился къ такому-то ишану (къ которому онъ пришелъ) и записался его муридомъ. Ишанъ, самъ когда-то начинавшій такимъ же образомъ свою карьеру, притворяется, что вѣрить разсказу своего новаго мурида, самодовольно улыбается и даетъ согласіе на принятіе его въ число своихъ учениковъ, или муридовъ. Онъ даетъ руку ишану и при этомъ говоритъ: „я вамъ далъ свою руку“. Это значитъ, что муридъ во всемъ подчиняется руководству ишана. Ишанъ ему отвѣчаетъ: „Кайся во всѣхъ своихъ грѣхахъ большихъ и малыхъ“. Новый муридъ остается при ишанѣ въ продолженіе сорокадневнаго поста и вмѣстѣ съ нимъ предается духовнымъ упражненіямъ. Ишанъ назначаетъ муриду кромѣ опредѣленныхъ еще другія молитвы, напр. произносить имя Аллаха тысячу, двѣ тысячи разъ въ теченіи дня. Во время поста бѣднѣйшіе муриды получаютъ пищу отъ ишана, но самому ишану пищу доставляютъ жители. Послѣ сорокадневнаго поста ишанъ угощаетъ всѣхъ своихъ муридовъ. Если нашъ муридъ, будущій ишанъ, понравился ишану и обратилъ на себя его вниманіе, то ишанъ собираетъ справки о немъ и о его жизни черезъ другихъ муридовъ и попутчиковъ нашего мурида; онъ разспрашиваетъ, каковъ человѣкъ ихъ товарищъ, пользуется ли онъ значеніемъ и уваженіемъ въ своемъ городѣ и т. п. Тѣ, будучи задобрены во время пути нашимъ муридомъ, даютъ о немъ самый лестный отзывъ. Затѣмъ будущій ишанъ обращается къ своему „пиру“ съ просьбой дать ему свидѣтельство на право поучать другихъ.

Ишанъ сразу не соглашается и, отправляя въ обратный путь новаго мурида, совѣтуетъ ему еще подождать и лучше подготовиться, поработавъ нѣсколько надъ собою, а затѣмъ прійти въ другой разъ для полученія просимаго. Наконецъ, ишанъ даетъ нашему муриду грамоту, такъ называемую хатти-иршадъ, что значитъ письмо или разрѣшеніе направлять другихъ. Иногда и помимо просьбы мурида, ишанъ даетъ ему грамоту на ишанство, если онъ видитъ въ своемъ муридѣ вліятельнаго и достойнаго человѣка. Вмѣстѣ съ грамотой ишанъ даетъ своему ученику, новому ишану, бѣлую тибитейку, такой же халатъ, чалму и четки. Бѣлый халатъ, бѣлая тибитейка и четки составляютъ принадлежность каждаго ишана.

Возвратившись въ свой городъ съ грамотой на ишанство, новый ишанъ начинаетъ съ того, что ведетъ воздержанную жизнь, молчитъ, много молится, носитъ плохую одежду, и во всякомъ случаѣ не шелковую, избѣгаетъ увеселеній, держится подальше отъ дурныхъ людей и отчитываетъ больныхъ людей и бездѣтныхъ женщинъ. О томъ, что онъ получилъ грамоту на ишанство, онъ не говоритъ; говорятъ объ этомъ тѣ его товарищи - муриды, которые съ нимъ вмѣстѣ путешествовали къ „пиру“. Онъ только заявляетъ, что хотя онъ и не достоинъ быть пиромъ, но ишанъ, его пиръ, призналъ его достойнымъ. Новый ишанъ приглашаетъ къ себѣ своихъ сосѣдей и пріятелей и угощаетъ ихъ щедрѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ онъ подкупаетъ ихъ въ свою пользу, и тѣ, оплачивая за угощеніе, распространяютъ о новомъ ишанѣ всевозможныя небылицы, напримѣръ, что онъ творитъ чудеса, что больные, которыхъ онъ отчитывалъ, выздоравливаютъ, а бесплодныя женщины дѣлаются матерями. Конечно, бывали случаи выздоровленія больныхъ, которыхъ отчитывалъ ишанъ, но вѣдь случаи эти могли имѣть мѣсто и помимо отчитываній ишана. Объ этомъ не разсуждаютъ, а приписываютъ все это чудодѣйствующей силѣ ишана. Къ нему обращаются за талисманами противъ

болѣзней, оговоровъ, чаръ и проч. Особенно часто обращаются къ ишану женщины, безплодныя или неплодующіяся почему-либо расположеніемъ своихъ мужей. Просительницамъ ишанъ даетъ талисманъ, заключающій или стихи изъ корана, или молитвы, или же кусочекъ хлѣба, соли или сахару, надъ которыми онъ читаетъ молитвы и которыя должны быть даны мужу. Такія же средства употребляются для пріобрѣтенія любви любимаго человѣка. На талисманахъ всего чаще выписываютъ стихи, находящіеся будто бы въ коранѣ, но никому, кромѣ однихъ ишановъ, неизвѣстные. Стихи эти, по повѣрью, имѣютъ такую силу, что кто ихъ носитъ, того всѣ желанія исполняются. Если у враговъ ишана случилось какое-либо несчастье, сейчасъ это истолковывается въ смыслѣ наказанія божьяго за враждебное отношеніе къ ишану. Нашъ ишанъ, подобно другимъ своимъ товарищамъ, старается привлечь на свою сторону людей вліятельныхъ и могущихъ быть ему полезными. Если на нихъ нельзя дѣйствовать прямо, то ишанъ дѣйствуетъ черезъ ихъ женъ, матерей, сестеръ и дочерей. Женщины у сартовъ невѣжественны и суевѣрны, и потому легче мужчинъ поддаются вліянію ишана.

Болѣе всего ишанъ обязанъ своею славой и своимъ возвышеніемъ своимъ ученикамъ, или муридамъ; безъ муридовъ ишанъ немыслимъ. Муриды рассказываютъ о своемъ пирѣ или ишанѣ чудесныя вещи, они превозносятъ его добродѣтели, они приписываютъ своему ишану такія рѣчи и такія дѣйствія, о которыхъ самъ ишанъ не знаетъ и даже не догадывается. Муриды вербуютъ своему ишану новыхъ послѣдователей, тѣ въ свою очередь привлекаютъ другихъ и т. д. Ревностнѣе другихъ дѣйствуютъ тѣ муриды, которые почему-либо заинтересованы въ славѣ и популярности своего пира. Это тѣ муриды, которые будучи бѣдны, находятъ кусокъ хлѣба около ишана, или тѣ, кои, желая играть видную роль въ обществѣ и быть обезпеченными матеріально, присоединяются къ ишану въ

качествѣ первыхъ его учениковъ и раздѣляютъ славу и корысть со своимъ пиромъ. Такимъ муридомъ былъ муфтіи Мигаджиддинъ у ишана Ахмета Хаипа. Онъ былъ человѣкъ способный и по-мусульмански ученый. Первоначально онъ былъ злѣйшій врагъ ишана Ахмета; онъ занималъ хорошее положеніе, былъ обезпеченъ и не нуждался въ ишанѣ. Но вотъ надъ нимъ стряслось несчастье: его высылаетъ русское правительство въ ссылку въ Казалинскъ на 5 лѣтъ. Вернувшись изъ ссылки, онъ не могъ уже занять прежняго положенія и потому остался безъ средствъ: тогда онъ идетъ съ повинною къ ненавистному когда-то ему ишану Ахмету, просить у него прощенія и умоляетъ принять его въ число муридовъ ишана. Онъ кается, что прежде ненавидѣлъ ишана, теперь онъ узналъ истину и обѣщаетъ быть самымъ ревностнымъ его послѣдователемъ; онъ считаетъ свою ссылку наказаніемъ за враждебное отношеніе къ ишану. Ишанъ принимаетъ его ласково, говоря, что Богъ хотѣлъ показать свою мудрость и доброту, обративъ на путь истины его заклятаго врага и сдѣлавъ его вѣрнѣйшимъ его муридомъ. Узнавъ объ обращеніи муфтіи Мигаджиддина, многіе невѣровавшіе въ ишана Ахмета, сдѣлались муритами послѣдняго, разсуждая такимъ образомъ, что если, молъ, такой заклятый врагъ ишана и при томъ такой ученый, какъ муфтіи Мигаджиддинъ, сдѣлался послѣдователемъ Ахмета ишана, то значитъ ишанъ дѣйствительно человѣкъ святой и великій. Новый муридъ, желая выслужиться передъ ишаномъ, разсказывалъ и писалъ объ немъ просто чудесныя вещи; онъ написалъ объ Ахметѣ ишанѣ цѣлую книжку, содержащую біографію ишана, полную чудесъ и невѣроятныхъ разсказовъ. Ишанъ оплачивалъ своему ревностному ученику тѣмъ, что повсюду бралъ его съ собою, давалъ ему первое мѣсто возлѣ себя и дѣлалъ его участникомъ своего торжества и своихъ барышей. Если бы этотъ муридъ не умеръ раньше своего пира, онъ навѣрное наслѣдовалъ бы ишанство послѣдняго.

Разъ начинающій ишанъ возвысился надъ уровнемъ обыкновенныхъ людей, популярность его растетъ все шире и шире. Даже люди, имѣющіе хорошее положеніе и невѣрующіе вовсе въ ишановъ, поступаютъ муридами къ знаменитому ишану съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при случаѣ опереться на вліяніе и силу своего ишана. Ишанъ, напримѣръ, можетъ имѣть большое вліяніе на выборы казіевъ, волостныхъ управителей и другихъ должностныхъ лицъ, приказывая своимъ муридамъ подавать голоса въ пользу того или другаго кандидата. Нерѣдко ишаны имѣли большое вліяніе на бековъ и на хановъ. Такъ, кокандскій ишанъ Міянъ Фазлій Агатъ давалъ у себя убѣжище отъ ханскаго гнѣва государственнымъ преступникамъ. Ханъ изъ уваженія къ ишану и по его ходатайству прощалъ такихъ преступниковъ. Ишанъ является патрономъ своихъ муридовъ, онъ ходатайствуетъ за нихъ передъ властями и передъ судомъ. Мнѣ самому въ бытность кокандскимъ казіемъ случалось часто получать письма отъ ишановъ съ рекомендаціей того или другаго изъ тяжущихся и съ просьбою помочь его дѣлу.

Въ каждомъ городѣ туркестанскаго края есть по крайней мѣрѣ одинъ ишанъ. Въ большихъ городахъ ихъ много и при томъ самые знаменитые. Знаменитости между ишанами во всемъ краѣ имѣютъ муридовъ, не исключая и Бухары. Муриды набираются изъ всѣхъ народностей, изъ сартовъ и еще болѣе изъ киргизъ. Самую благоприятную почву для начинающихъ и для мелкихъ ишановъ представляютъ киргизскія степи Тургайской, Акмолинской и Семирѣченской областей. Каждый годъ изъ городовъ туркестанскаго края стремятся въ киргизскія степи толпы ишановъ и возвращаются оттуда со стадами верблюдовъ, лошадей и барановъ и съ деньгами. Изъ киргизъ попадаются тоже ишаны, но рѣдко, и при томъ не пользующіеся широкою извѣстностью. Въ Чимкентскомъ уѣздѣ я знаю одного ишана изъ киргизъ, по имени Сатубалды Абдуллинова. Онъ каждый годъ уѣзжаетъ за добычей

къ тургайскимъ киргизамъ и возвращается домой далеко не съ пустыми руками. Прежде онъ пользовался большою популярностью и среди своихъ чимкентскихъ киргизъ; но, когда тѣ раскусили его, не стали больше считать его своимъ пиромъ. Всего легче начинать карьеру ишана въ Наманганѣ. Жители этого города отличаются наивностью, простотою нравовъ и необыкновенно суевѣрны. Тамъ нѣтъ ни одного жителя, который бы не былъ муридомъ какого-либо ишана. Одинъ мой чимкентскій товарищъ по училищу, мулла Закиръ, по совѣту бывшаго чимкентскаго казія Ай-Мухаммеда отправился въ Наманганъ и тамъ объявилъ себя ишаномъ. Черезъ 5 лѣтъ я встрѣтилъ его въ Кокандѣ; онъ очень пополнилъ, на немъ была хорошая одежда и въ карманѣ порядочныя деньги. Я спросилъ его, откуда у него взялось все это. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что богатство и довольство дало ему ишанство въ Наманганѣ. Теперь онъ тамъ главный ишанъ. Муриды изъ иногороднихъ стараются по крайней мѣрѣ однажды въ годъ посѣтить своего пира. Они приѣзжаютъ къ нему за сотни верстъ, чтобы посмотреть лицо ишана и помолиться съ нимъ вмѣстѣ. Для посѣщенія выбирается мѣсяцъ Рамазанъ, когда у мусульманъ бываетъ постъ. Муриды проводятъ этотъ постъ съ своимъ пиромъ. При посѣщеніи пира муриды преподносятъ ему подарки не только отъ себя, но и отъ своихъ отсутствующихъ земляковъ, тоже муридовъ. Дарятъ верблюдовъ, лошадей, барановъ, деньги, халаты, хлѣбъ и пр. Сартовская пословица говоритъ: „Усердіе мурида узнается по его подаркамъ“. Мѣстные жители каждый день приносятъ ишану пищу, которая еще остается для бѣдныхъ муридовъ; состоящихъ при ишанѣ. Нѣкоторые изъ муридовъ исполняютъ для ишана разную работу, не получая за то никакого вознагражденія. Они считаютъ для себя счастьемъ служить ишану. Тѣ изъ муридовъ, кои по бѣдности не могутъ давать ишану подарковъ, стараются о томъ, чтобы навербовать своему пиру бога-

тыхъ муридовъ, подарки коихъ восполнили бы недостатокъ ихъ, бѣдныхъ муридовъ. При этомъ бѣдные муриды не остаются безъ вознагражденія за свое посредничество; они получаютъ какъ отъ ишана, такъ и отъ новообращенныхъ муридовъ. Этимъ еще больше поощряется ихъ усердіе. Нѣкоторые изъ муридовъ жертвуютъ ишанамъ все свое имущество при жизни, или завѣщаютъ таковое на случай смерти. Благодаря такой щедрости муридовъ, ишаны обладаютъ большимъ богатствомъ и живутъ роскошно. Нѣкоторые бывають въ одно и тоже время муридами у разныхъ ишановъ. А сами ишаны состоятъ муридами другъ у друга. Ишаны отъ времени до времени предпринимають путешествія въ провинціи подъ предлогомъ посѣщенія могилъ святыхъ, но въ сущности для сбора подарковъ. Объ ихъ прїѣздѣ въ городъ или кишлакъ заранѣе узнають мѣстные жители и спѣшатъ къ ишану кто для отчитыванія болѣзни и бесплодности, кто для полученія талисмана; муриды же для того, чтобы посмотрѣть лицо своего пира и помолиться съ нимъ; при этомъ всякій приноситъ съ собою подарки.

Въ одной сартовской книжкѣ „Правила благочестія“ находится слѣдующее ученіе о муридахъ и ихъ отношеніяхъ къ пиру, или ишану: „Муридь долженъ сидѣть поодаль отъ пира на самомъ низкомъ мѣстѣ и вести себя самымъ приличнымъ образомъ, т. е. не шевелиться, не кашлять, не плевать и—Боже упаси! курить; не разговаривать громко, не употреблять нюхательнаго табаку (носовой), не сидѣть съ грязными ногами въ калошахъ, не быть съ открытою грудью, имѣть на головѣ чалму и у пояса четки, не быть наряженнымъ, не имѣть на себѣ шелковой одежды и быть готовымъ въ каждую минуту совершить молитву съ омовеніемъ. Если пиръ прикажетъ муриду занять высшее мѣсто, даже выше тѣхъ, кои по своему положенію имѣють преимущество передъ нимъ, то онъ, муридь, долженъ безпрекословно подчиниться волѣ пира. Самъ пиръ долженъ сидѣть, имѣя позу молящагося мусуль-

манина. на колѣняхъ съ подогнутыми подъ себя ногами. Прикажетъ-ли пирь сдѣлать то или другое, или велить не дѣлать того или другаго, муридъ съ душою и сердцемъ обязанъ слушать и исполнять. Съ кѣмъ бы ни говорилъ пирь и о чемъ бы онъ ни говорилъ, муридъ долженъ внимательно слушать и стараться не проронить ни одного слова изъ разговора пира. Если пирь отдастъ одному изъ муридовъ остатки отъ своей пищи, то этотъ муридъ долженъ самъ съѣсть эту пищу, не предлагая другимъ, — въ противномъ случаѣ можно будетъ предполагать, что онъ брезгаетъ остатками пищи ишана и радъ бы отъ нихъ отдѣлаться, уступивъ другимъ. Если муридъ желаетъ заговорить съ пиромъ, то онъ обязанъ предварительно убѣдиться, есть ли къ тому свободное время у пира, не занятъ ли пирь чѣмъ-нибудь. Муридъ долженъ говорить къ пиру тихо, но не шопотомъ, съ разстановкой и по возможности кратко, содержательно, притомъ мягко и нѣжно. Вообще же муридъ долженъ въ присутствіи пира соблюдать молчаніе. Сидя передъ пиромъ, муридъ долженъ сосредоточиться; ибо, какъ вода, подверженная волненію, не отражаетъ въ себѣ образа человѣка, такъ и муридъ, держащій себя разсѣянно, лишаетъ пира возможности читать на его лицѣ и видѣть, что дѣлается въ его душѣ. Если пирь намѣревается куда-либо идти, муридъ не долженъ спрашивать, куда онъ идетъ. Во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ, муридъ долженъ спрашивать совѣта у своего пира, даже относительно пищи, питья и одежды. Не посовѣтовавшись съ пиромъ, муридъ не долженъ предпринимать никакихъ дѣлъ. Если самъ пирь будетъ спрашивать совѣта у своего мурита насчетъ своихъ мірскихъ дѣлъ, то такой муридъ не долженъ тотчасъ же высказывать свое мнѣніе, а обязанъ скромно отвѣтить: „Вы сами хорошо знаете, какъ вамъ поступить“. Если же пирь будетъ настаивать, тогда муридъ долженъ высказать свое мнѣніе въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Въ комнату, такъ называемую „хильватъ-

хана“, гдѣ пиръ совершаетъ молитвы и занимается своими дѣлами на-единѣ, безъ его позволенія входить нельзя. Не должно занимать мѣста, на которомъ обыкновенно сидитъ ишанъ¹⁾). Никто изъ муридовъ не долженъ надѣвать одежды и обуви пира. Въ одномъ мѣстѣ съ пиромъ не должно спать. Если ишанъ позволить муриду спать въ одной комнатѣ съ собою, то муридъ не долженъ спать крѣпкимъ сномъ, а настолько чутко, чтобы быть всегда готовымъ по первому зову пира встать и исполнить его приказаніе. Съ пиромъ не должно позволять себѣ шутокъ и не шутить въ его присутствіи съ другими и даже избѣгать разговоровъ. Передъ пиромъ муридъ не долженъ выставлять на видъ свои превосходства, умъ, богатство, добродѣтели и т. п. Если пиръ высказываетъ какое-либо мнѣніе, не должно его спрашивать, почему это такъ, гдѣ такое мнѣніе содержится. Не надо вынуждать пира прибѣгать къ хитрости, какъ напримѣръ: если муридъ совершилъ въ присутствіи пира какую-либо неловкость и пиръ не замѣтилъ этого муриду, послѣдній пусть не думаетъ, что пиръ ничего не видалъ; нѣтъ, пиръ видѣлъ, но только притворяется, что не замѣтилъ; это есть хитрость со стороны пира. Такая хитрость есть знакъ неудовольствія пира по отношенію къ своимъ ученикамъ. Напротивъ, если пиръ замѣтилъ дурной поступокъ, то муридъ долженъ радоваться, такъ какъ это доказываетъ, что пиръ имъ доволенъ. Муридъ долженъ составить себѣ о пирѣ такое мнѣніе, что его пиръ стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ. Муриды должны быть убѣждены, что пиръ знаетъ всѣ ихъ дѣйствія, тайныя и явныя. Муридъ, имѣющій такое убѣжденіе, старается избѣгать дурныхъ дѣлъ. Муридъ, сидя передъ пиромъ, долженъ сосредоточиться; ибо какъ вода, подверженная волненію, не отражаетъ образа человѣка, такъ и муридъ, держащій себя раз-

¹⁾ У себя дома пиръ всегда сидитъ на опредѣленномъ мѣстѣ.

сѣянно, лишаетъ пира возможности читать на его лицѣ и видѣть, что дѣлается въ его душѣ. Въ присутствіи и отсутствіи пира муридъ долженъ воображать себѣ, что пиръ сидитъ у него въ головѣ между бровями и видитъ все, что онъ дѣлаетъ, что мыслить. Если пиръ въ дурномъ расположеніи духа, значитъ, онъ борется съ своими страстями и въ это время его нужно оставлять одного и уходить. Всѣ свои тайны муридъ долженъ открывать передъ пиромъ и всѣ тайны пира скрывать. Если муридъ хочетъ совершить чудо, онъ долженъ обратиться за позволеніемъ къ ишану. Во всѣхъ духовныхъ вопросахъ муриды не должны полагаться на свои знанія. Кто не любитъ или порицаетъ пира, того должно избѣгать и не вести съ нимъ знакомства. Не позволять себѣ смотрѣть прямо въ лицо пиру и сидѣть передъ нимъ съ опущенными глазами. Сидя передъ пиромъ, надо думать только объ немъ и имѣть его въ своемъ сердцѣ. Если муридъ видѣлъ чуда отъ пира, онъ можетъ сказать пиру, что видѣлъ такія-то его чуда, но не долженъ спрашивать пира, какимъ образомъ онъ совершилъ чудо. Если муридъ желаетъ посѣтить ишана, онъ долженъ это дѣлать не потому, что привыкъ къ обществу ишана, а потому, что онъ думаетъ почерпнуть что-нибудь поучительное отъ ишана, что онъ желаетъ очистить свою совѣсть отъ всѣхъ грѣховъ. Вообще же должно избѣгать всѣхъ дурныхъ поступковъ и мыслей, которые могли бы не понравиться пиру. Не надо критиковать слова и поступки пира, кои муриду кажутся неодобрительными; муридъ не долженъ даже допускать подобной мысли, а обязанъ стараться убѣдить себя, что въ поступкѣ пира таится что-нибудь такое, чего онъ, муридъ, не знаетъ и что оправдываетъ поступокъ пира. Чтобы быть пріятнымъ пиру, муридъ долженъ держать въ чистотѣ свое тѣло и одежду, избѣгать прикосновенія съ предметами нечистыми, чистить зубы, не употреблять луку, чесноку и тому подобныхъ вещей.

Изъ ишановъ, принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, были: въ Кокандѣ во время Худаяръ-хана Міянъ Фазлій Агатъ и въ Ташкентѣ Міянъ Халиль. Къ числу знаменитѣйшихъ ишановъ, не принадлежащихъ къ потомкамъ имама Раббани, слѣдуетъ отнести: въ Ташкентѣ Ахмата Хальпу и въ Кокандѣ Алтыша и Тальки Суфи Бадала.

Приведемъ нѣкоторые факты изъ жизни ишановъ Міянъ Фазли Агата и Ахмета Хальпы. Какъ-то однажды прибылъ въ Чимкентъ ишанъ Міянъ Фазли. Это было до прихода русскихъ. Ишанъ остановился въ Чимкентѣ проездомъ въ Туркестанъ, къ могилѣ имама Хазрета. По дорогѣ онъ посѣщалъ могилы другихъ имамовъ и ишановъ. Для этой цѣли онъ остановился и въ Чимкентѣ. Могила ишана находится среди могилъ обыкновенныхъ смертныхъ. Остановившись около одного кладбища, которое не имѣло еще могилы святаго, проездной ишанъ сказалъ: „Здѣсь тоже есть могила святаго, именно Саибъ-баба“; затѣмъ, принявъ видъ *муракаба*, т. е. человека созерцающаго, онъ наклонилъ голову и потупилъ глаза. Постоявъ нѣкоторое время въ такомъ положеніи, ишанъ сказалъ: „Я ошибся, здѣсь нѣтъ тѣла такого святаго, о которомъ я говорилъ; святой этотъ только проходилъ черезъ мѣстность, гдѣ расположено кладбище“. Такое мѣсто у мусульманъ носитъ названіе *кадамъ джай*. Присутствующіе удивились такой прозорливости ишана и приписали это чуду. Объ этомъ случаѣ рассказывалъ мнѣ мой отецъ въ полномъ убѣжденіи, что тутъ нѣтъ никакой фальши и что ишанъ обладаетъ даромъ узнаванія прошлаго и будущаго. На мѣстѣ, указанномъ ишаномъ, теперь стоитъ жердь, увѣшанная тряпками,—знакъ, что мѣсто это *священно*. Ишанъ Міянъ-Фазлей пользовался огромнымъ вліяніемъ въ столицѣ кокандскаго ханства. Ханъ *Мадали* былъ озлобленъ на ишана за то, что послѣдній давалъ у себя убѣжище государственнымъ преступникамъ и присваивалъ себѣ ихъ имущество, подлежащее конфискаціи въ казну. Мадали

ханъ велѣлъ ишану убраться за предѣлы ханства. Ишанъ Міанъ Фазлій уѣхалъ въ Мекку. Въ это время бухарскій эмиръ напалъ на кокандское ханство, взялъ въ плѣнъ Мадали хана и казнилъ его. Всѣ стали толковать этотъ случай въ смыслѣ наказанія божьяго за изгнаніе ишана, Міанъ Фазлій Агата. Муриды послѣдняго, раздѣлявшіе съ нимъ изгнаніе, рассказывали впоследствии, что ихъ ишанъ въ день и часъ казни *Мадали* хана сказалъ: „Въ этотъ часъ мой врагъ наказанъ, пойдѣмъ назадъ въ Кокандъ“. Знать это онъ могъ, какъ приписываетъ народъ, только силою пророческаго духа. Когда я былъ еще мальчикомъ, въ Чимкентъ пріѣхалъ изъ Коканда ишанъ...., совершавшій великія чудеса. По приказанію отца я отправился къ этому ишану съ двумя своими сверстниками. Когда я пришелъ къ ишану, онъ въ это время совершалъ въ саду омовеніе. Онъ былъ въ бѣломъ халатѣ и въ такой же тибитейкѣ. Я сказалъ своимъ товарищамъ, что это вѣроятно ишанъ. Его окружали нѣсколько человѣкъ; кто держалъ ручкой, кто полотенце, кто стоялъ безъ дѣла, готовый исполнить всякое приказаніе ишана.

Мы зашли въ помѣщеніе ишана. Мой разговоръ съ товарищами слышали муриды, окружающіе ишана и бывшіе около помѣщенія ишана. Когда ишанъ вошелъ въ свое помѣщеніе, мы почтительно подошли къ нему и подали ему руки. Ишанъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „Вы говорили между собою обо мнѣ, указывая на меня, что это, вѣроятно, ишанъ“. Этимъ онъ хотѣлъ удивить насъ и показать, что онъ, не слыша, знаетъ, что мы говорили. Присутствующіе, легковѣрные муриды, приняли это за чудо. Но я былъ убѣжденъ, что мои слова къ товарищамъ были переданы ишану кѣмъ-либо изъ лицъ, его окружавшихъ. Къ этому ишану стали обращаться бездѣтныя женщины съ намѣреніемъ получить талисманъ противъ бесплодности. Онъ велѣлъ собратъся къ нему нѣсколькимъ женщинамъ и ночевать въ его помѣщеніи. Женщинъ

собралось числомъ около 10 человѣкъ и всѣ онѣ остались ночевать у ишана. Между ними была моя сосѣдка Рузыджанъ, жена Алибая. Переночевавъ у ишана, женщины вернулись домой. Тогда Алибай спрашиваетъ свою Рузыджанъ: „Нѣтъ ли какой надежды на дѣтей?—“ „Мы насчастливы, отвѣчаетъ ему жена, счастлива Аимджанъ и ея мужъ Рузыбай; у насъ нѣтъ надежды на дѣтей. Дѣло происходило такъ, продолжаетъ Рузыджанъ: когда мы, женщины, пришли къ ишану, послѣдній оставилъ насъ ночевать у себя и объявилъ намъ, что онъ не Богъ, что всѣмъ не можетъ дать дѣтей, но что онъ будетъ молиться Богу и Богъ пришлетъ своего ангела ночью въ образѣ его, ишана; ангелъ божій будетъ насъ обнимать и будетъ спать съ избранною. Ишанъ велѣлъ намъ приготовиться къ принятію ангела и не тушить свѣчи. Мы ожидали ангела съ нетерпѣніемъ и каждая изъ насъ лелѣяла мысль, что ее осчастливить своимъ посѣщеніемъ ангелъ божій. Ночью, когда мы всѣ лежали, явился ангелъ, похожій на ишана, въ его одеждѣ, и сталъ разсматривать насъ по-одиночкѣ. Онъ остановился на женѣ Рузыбая Аимджанѣ и съ нею спалъ“. (Нужно замѣтить, что Аимджанъ, жена Рузыбая, была красавица)“. Выслушавъ этотъ рассказъ жены, Алибай сталъ смѣяться, говоря: „Я очень радъ, что Богъ не послалъ своего ангела къ моей женѣ“. Онъ пошелъ въ мечеть и рассказалъ обо всемъ этомъ сосѣдямъ. Одни вѣрили, другіе считали это вымысломъ, и репутація ишана ничего не потеряла въ глазахъ его муридовъ: многіе изъ нихъ, вѣря разсказу Алибая и его жены, признавали дѣяніе ишана за чудо. Въ другой разъ этотъ самый ишанъ прѣхалъ въ Чимкентъ, подъ предлогомъ посѣтить чимкентскаго ишана, котораго онъ одного только считалъ хорошимъ ишаномъ. Когда онъ находился въ гостяхъ у этого ишана, вдругъ во время самаго угощенія нашъ ишанъ какъ бы очнулся и сказалъ: „За городомъ есть могила святаго, Кочкаръ-ата, тамъ горятъ двѣ свѣчи, одна для меня, другая для васъ“, т. е.

для ишана, у котораго онъ находился въ гостяхъ; „духъ святаго, продолжалъ ишанъ, приглашаетъ меня и васъ къ себѣ“. Послѣ этихъ словъ оба ишана и ихъ муриды отправились на могилу святаго Кочкаръ-ата и дѣйствительно нашли тамъ двѣ горѣвшія свѣчки. Всѣ сочли это за великое чудо; послѣ этого чуда нашему ишану посыпались обильные подарки. Тутъ ишанъ просто сфокусничалъ, но толпа не умѣла понять фокуса, а сочла за чудо. Впослѣдствіи этого самаго ишана Худаярханъ за подобные фокусы приказалъ повѣсить.

Въ Бухарѣ былъ при Насруллахѣ ишанъ, который пускался между прочимъ на слѣдующія хитрости, чтобы показать себя чудотворцемъ. Онъ велѣлъ двумъ изъ своихъ учениковъ прикинуться одному слѣпымъ, а другому хромымъ. Ученики эти нѣсколько лѣтъ разыгрывали роли одинъ слѣпого, а другой хромого. Однажды отъ этого ишана, славящагося своими чудесами, настоятельно потребовали чуда. Тогда онъ призвалъ одного изъ своихъ учениковъ и приказалъ ему прозрѣть; слѣпой прозрѣлъ. Такое же чудо ишанъ совершилъ надъ хромымъ.

Одинъ только эмиръ Насруллахъ не вѣрилъ въ чудеса ишана. Онъ послалъ къ ишану раиса съ приказаніемъ доставить ишана къ нему, эмиру. Посланный раисъ почтительно слѣзъ передъ ишаномъ съ лошади и не зная, въ какихъ словахъ объявить ишану приказъ эмира. Онъ боялся, что ишанъ чудеснымъ образомъ ниспошлетъ на него небесную кару. При этомъ ишанъ выразилъ сожалѣніе надъ участіемъ эмира, котораго неминуемо ждетъ наказаніе за неуваженіе къ нему, ишану. Раисъ вернулся къ эмиру ни съ чѣмъ. Тогда эмиръ послалъ другаго своего приближеннаго и тотъ, не смотря на угрозы ишана, привелъ его къ эмиру. Послѣдній тотчасъ же велѣлъ его повѣсить.

Въ Ташкентѣ при Худаярханѣ и за время владычія страною русскими славился ишанъ Ахметъ Хальпа. Онъ умеръ въ 1889 году, доживъ до глубокой старости,—ему было около ста лѣтъ. Ахметъ ишанъ за

свои богохульные рѣчи былъ приговоренъ казіями къ смертной казни, но затѣмъ былъ ташкентскимъ бекомъ освобожденъ отъ казни на основаніи ривоята, въ которомъ говорилось, что приговоренный къ смерти за преступленія противъ вѣры, освобождается отъ наказанія, если сдѣлалъ какое-либо изобрѣтеніе въ области искусствъ или ремеслъ. Ишанъ Ахметъ Хальпа дѣлалъ особеннымъ способомъ, ему только извѣстнымъ, портфели для книгъ и бумагъ. Этимъ онъ спасся отъ неминуемой смерти. Отецъ Ахмета Хальпы былъ тоже ишаномъ, а его сынъ былъ у него муридомъ. Онъ жилъ то въ Шайхантаурской, то въ Бишъ-ягачской части города Ташкента. Ахметъ ишанъ былъ очень богатъ, онъ имѣлъ много садовъ и земли въ Ташкентѣ и уѣздѣ, у него было нѣсколько женъ и огромное семейство. Ахметъ ишанъ обладалъ образованіемъ ученаго мусульманина. Въ религіи онъ былъ полнѣйшій либераль; толковалъ коранъ по своему и не считалъ его божественною книгой и въ своей самоувѣренности дошелъ до того, что сталъ величать себя пророкомъ. „Хотя Магометъ и сказалъ“, говорилъ Ахметъ ишанъ, „что онъ, Магометъ, послѣдній изъ пророковъ, но это неправда: пророки должны являться послѣ Магомета отъ времени до времени“. За эти-то слова Ахметъ ишанъ и былъ приговоренъ ташкентскими казіями къ смерти, какъ о томъ было сказано выше. Онъ находилъ противорѣчія въ самомъ коранѣ, такъ напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ коранъ говоритъ: „Я Богъ, клянусь луною, солнцемъ и землею“; въ другомъ мѣстѣ тотъ же Богъ повелѣваетъ, чтобы вовсе не клялись ни луною, ни солнцемъ, ни чѣмъ-либо другимъ. Онъ высказывалъ свои мысли муридамъ, но тѣ хотя слушали его, но не понимали, и потому не соблазнялись. Ахмету ишану много приписывается чудесъ. Объ его чудесахъ и замѣчательныхъ дѣяніяхъ написалъ цѣлую книгу его преданнѣйшій муридъ, бывший муфтіи Минхаджиддинъ. Онъ возноситъ своего ишана до небесъ и приписываетъ ему такіа дѣянія, къ которымъ вовсе не былъ

причастенъ самъ ишанъ. Какую цѣль преслѣдовалъ Минхаджиддинъ, объ этомъ мы говорили выше. Однажды Ахметъ ишанъ отправился на поклоненіе могилъ святаго Хазрета султана въ Туркестанъ. По пути онъ остановился въ Чимкентѣ у своего мурида Суббаджана. Эти путешествія и остановки дѣлались съ цѣлью собрать приношенія по провинціи. Проживъ въ Чимкентѣ нѣсколько дней, Ахметъ ишанъ вдругъ объявилъ, что онъ считаетъ излишнимъ продолжать путь въ Туркестанъ къ Хазрету, ибо духъ святаго Хазрета самъ пришелъ къ нему на встрѣчу въ Чимкентѣ и остановился на данномъ мѣстѣ, которое Ахметъ ишанъ указалъ окружающимъ. Ему повѣрили и сочли это за чудо. Въ ознаменованіе встрѣчи духа Хазрета съ Ахметомъ ишаномъ поставленъ шесть съ значкомъ, обозначающимъ святое мѣсто. Ахметъ ишанъ былъ маловѣрующій мусульманинъ: ученые ненавидѣли его. Ташкентскій ишанъ Абуль Касымъ писалъ къ *эмиру*, прося его исходатайствовать у русскаго правительства высылку изъ края Ахмета ишана за его противорелигіозныя рѣчи. Но толпа очень любила и уважала Ахмета Хальпу ишана. Онъ имѣлъ муридовъ во всемъ краѣ, не исключая и Бухары, и многочисленныхъ послѣдователей въ Ташкентѣ, Кокандѣ, Самаркандѣ и въ киргизской степи. Незадолго до своей смерти Ахметъ ишанъ въ 1889 году ѣздилъ въ Мекку. Ташкенцы провожали его многочисленною толпою до Чиназа, нѣкоторые же до Самарканда. Самаркандскіе муриды выпли встрѣчать своего обожаемаго ишана на первую станцію и дожидались тамъ его нѣсколько дней. Они разбили дорогія палатки, постлали ковры и приготовили всевозможныя яства и дорогіе подарки. Самаркандскій уѣздный начальникъ былъ такъ пораженъ такими приготовлениями къ встрѣчѣ какого-то Ахмета Хальпы, что телеграфировалъ къ начальнику города Ташкента, спрашивая его, что за личность выѣхала изъ Ташкента въ Мекку, которой готовится столь торжественная встрѣча? Ахметъ ишанъ умеръ въ 1889 г.

и оставилъ наслѣдникомъ своего ишанства своего сына. Но сынъ его не пользуется славою и популярностію своего отца; для этого ему не достаетъ ума, хитрости и краснорѣчія.

Вотъ еще случай изъ жизни ишановъ. Разъ пріѣхалъ изъ Коканда въ Чимкентъ какой-то ишанъ (имени его не знаю) и познакомился съ однимъ чимкентскимъ ишаномъ Анаръ-Мухаммедъ-аглямомъ. Они сговорились ѣхать въ Ауліятинскій уѣздъ къ степнымъ киргизамъ съ цѣлью собирать пожертвованія. Такъ какъ обоихъ тамошніе киргизы не знаютъ, то чимкентскій ишанъ предложилъ кокандскому такое условіе: „я тебя буду хвалить тамъ, какъ замѣчательнаго и знаменитаго ишана, а все вырученное будемъ дѣлить пополамъ“. Кокандскій ишанъ согласился на такое условіе, и они поѣхали. Обобравъ киргизовъ, какъ только могли, и раздѣливъ полученное пополамъ, ишаны воротились и начали разѣзжать по окрестнымъ селеніямъ Чимкента. Собравъ въ окрестностяхъ Чимкента пожертвованія, они пріѣхали въ Чимкентъ. На требованіе чимкентскаго ишана—раздѣлить пополамъ поступившія здѣсь пожертвованія,—кокандскій ишанъ отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ дѣлиться, потому что пожертвованія собраны тамъ, гдѣ всѣ его хорошо знаютъ. Тогда чимкентскій ишанъ объявилъ, что онъ подастъ жалобу казію, а если казій не рѣшитъ дѣла въ его пользу, то напишетъ въ Кокандъ ко всѣмъ родственникамъ и знакомымъ кокандскаго ишана и осрамить послѣдняго. Тогда кокандскій ишанъ, испугавшись такого заявленія со стороны своего друга по ремеслу, отправился къ бывшему чимкентскому казію Султанъ-Ахметъ-Хану, рассказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла и просилъ его помирить съ ишаномъ Анаръ-Мухаммедъ-аглямомъ. Послѣдній согласился на примиреніе, получивъ извѣстную часть пожертвованій. Случай этотъ рассказывалъ мнѣ въ присутствіи упомянутаго чимкентскаго ишана ихъ примиритель — Султанъ-Ахметъ-Ханъ. Такіе случаи нерѣдко бываютъ въ жизни.

Въ заключеніе нужно сказать, что ишаны ведутъ правильный образъ жизни и согласуются съ предписаніями шаріата: совершаютъ омовенія, соблюдаютъ посты и молитвы, рано встаютъ, не курятъ табакъ, не пьютъ вина и доживаютъ до 80 и болѣе лѣтъ. Въ 1890 году въ Ташкентѣ умеръ ишанъ Абуль-Касымъ-Ханъ—во время холеры, и туземцы были увѣрены, что послѣ смерти такого замѣчательнаго ишана холера прекратится, какъ послѣ жертвы за грѣхи людей. У этого ишана было много тысячъ послѣдователей (мюридовъ) въ окрестностяхъ Ташкента, и имя его пользовалось большою извѣстностію. Онъ велъ скромную жизнь и былъ человѣкъ благотворительный: на свои сборы отъ мюридовъ онъ содержалъ большую мадрасу, въ которой пропитывалось болѣе ста человѣкъ—учащихся.

Абд. Сат. Абд. Гаж — въ.

Ташкентъ.
Май, 1894 г.